

Эдвард РАДЗИНСКИЙ

Моск. правда, 1993, - 12 окт. - с. 12.

«Господи... спаси и умири Россию...»

Как актуально звучат сейчас эти слова! Снова Россия в крови, снова в пламени. И снова звучат умиротворяющие слова «спаси...», «умири...»

Драматург Эдвард Радзинский оказался пророком - его книга о последнем русском царе предостерегает нас: не будьте жестоки, не проливайте кровь, не нарушайте извечных заповедей.

Не убий...

Фоторасстрел

Этот человек позвонил мне по телефону после опубликования первой моей статьи. Он начал сразу: «Я расскажу вам то, что говорилось второму поколению советских разведчиков в разведшколе. Что такое второе поколение? Если Рихард Зорге был первым поколением, то это 1927 - 1929 годы. Все они давно в могилах - и вы вряд ли услышите это от кого-нибудь, кроме меня... И так, на разведуправских курсах нам рассказали следующее: надо было расставить Семью как можно удобнее для расстрела. Комната была узкая - и боялись, что сгрудятся. И тогда Юровский придумал. Он им сказал, что надо сойти в подвал, потому что есть опасность обстрела дома. А пока суть да дело - их должны сфотографировать. Потому что в Москве беспокоятся и слухи разные ходят - о том, что они сбежали (действительно, в конце июня была тревожная телеграмма об этом из Москвы. - Авт.).

И вот они спустились вниз и встали, для фотографии, вдоль стены. И когда они построились...

Как все, оказывается, просто! Ну конечно же, он придумал, будто Семью собираются фотографировать. Возможно, даже пошутил, что он-де бывший фотограф. Отсюда его команды, о которых пишет Стрекотин: «Станьте налево... а вы направо». И отсюда спокойное подчинение всех действующих лиц этой сцены. А потом, когда они встали, ожидая, что внесут фотоаппарат...

Юровский: «Когда встали - позвали команду».

Стрекотин: «Группа людей направилась к комнате, в которую только что ввели арестованных. Я пошел за ними, оставив пост. Они и я оставались в дверях комнаты».

Итак, расстрельщики уже толпятся в широких двусторчатых дверях комнаты. И рядом Стрекотин.

Ермаков: «Тогда я вышел и сказал шоферу: «Действуй». Он знал, что надо делать, машина загудела, появились выхлопки. Все это нужно было для того, чтобы заглушить выстрелы, чтобы не было звука слышно на воле».

Шофер Сергей Люханов во дворе сидит в кабине грузовика, слушает работающий мотор и ждет...

Юровский: «Когда вошла команда, ком(ендант) сказал Р(оманов)ым: «Ввиду того, что их родственники продолжают наступление на Сов(етскую) Россию, Уралисполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде - лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к ком(енданту) с вопросом: «Что? Что?»

Стрекотин: «Перед царем стоял Юровский, держа правую руку в кармане брюк, а в левой небольшой кусочек бумаги... Потом он читал приговор. Но не успел закончить последнего слова, как царь громко переспросил... И Юровский читал вторично».

Юровский: «Ком(ендант) наскоро повторил и приказал команде готовиться... Николай больше ничего не произнес, опять обернувшись к семье, другие произнесли несколько бессвязных восклицаний, все это длилось несколько секунд».

Последние слова

ИЗ ПИСЬМА ЭДВАРДА РАДЗИНСКОГО К СЕМЬЕ ЦАРЯ

последнего царя

«Переспросил» - и «больше ничего не произнес!» Так пишут Юровский и Стрекотин.

Но царь сказал еще несколько слов... Юровский и Стрекотин их не поняли. Или не захотели записать.

Ермаков тоже не записал. Но о них помнил. Немногое он запомнил, но это не забыл. И даже иногда об этих словах рассказывал.

Из письма А.Л.Карелина (Магнитогорск): «Помню, Ермакову был задан вопрос: «Что сказал царь перед казнью?» «Царь, - ответил он, - сказал: «Вы не ведаете, что творите».

Нет, не придумать Ермакову эту фразу, не знал он ее - этот убийца и безбожник. И уж совсем не мог знать, что эти слова Господа написаны на кресте убиенного дяди царя - Сергея Александровича. Царь повторил их. Как повторять, должно быть, на дне шахты Элла: «Прости им... не ведают, что творят».

И через несколько месяцев их повторит другой Романов - великий князь Дмитрий Константинович в Петропавловской крепости, когда поведут его на расстрел...

Тюремный сторож говорил, что когда Дмитрий Константинович шел на расстрел, то повторял слова Христа: «Прости им, Господи, не ведают, что творят...» (Из воспоминаний великого князя Гавриила Константиновича «В Мраморном дворце».)

Его последние слова... В тот миг и завершилась история о Прощении.

И сразу после чтения бумаги Юровский рывком выхватил свой «кольт».

Юровский: «Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтоб избежать большого количества крови и покончить скорее...»

Стрекотин: «При последнем слове он моментально вытащил из кармана револьвер и выстрелил в царя. Царица и дочь Ольга попытались осенить себя крестным знамением, но не успели».

Юровский: «Ник(олай) был убит самим ком(ендантом) наповал. Затем сразу же умерла А(лександра) Ф(едоровна)».

Юровский пишет, что это он убил царя. И Стрекотин тоже видел, как Юровский, прочтя бумагу, тотчас вырвал руку с пистолетом и выстрелил в царя. Впрочем, у Юровского в тот день было с собой два пистолета...

Юровский: «Один системы «кольт» номер 71905 с обоймой и семью патронами и второй системы «маузер» за номером 167177 с деревянным чехлом-ложей и обоймой патронов 10 штук... Из «кольта» мною был наповал убит Николай».

Но Стрекотин следил тогда только за читающим Юровским, и только его руку, направленную на бывшего самодержца всея Руси, видел охранник.

Но еще двое стрелявших будут утверждать, что царя застрелили они...

Сын чекиста Медведева: «Царя убил отец... Как я уже говорил, у них было договорено, кто в кого стреляет. Ермаков - в царя. Юровский взял царицу, а отец - Марию. Но когда они встали в дверях, отец оказался прямо перед царем. Пока Юровский читал бумагу, он стоял и все рассматривал царя. Он никогда его не видел так близко. И сразу, как только Юровский повторил последние слова, отец их уже ждал и был готов и тотчас выстрелил. И убил царя. Он сделал свой выстрел быстрее всех... Тогда у него был «браунинг». У «маузера», «нагана» и «кольта» надо взводить курок, и на это уходит время. У «браунинга» - не надо...»

Но и Ермаков, которому, по уговору, «принадлежал царь», утверждал: «Я дал выстрел в него в упор, он упал сразу...»

Впрочем, уверен, что все толпившиеся в дверях страшной комнаты - 12 революционеров - пришли, чтобы убить царя. И все 12 сначала послали в него свои пули. И торжествующая надпись по-немецки, оставленная на стене кем-то из «латышей» - «В эту ночь Вальтасар был убит своими холопами», - была буквальной.

Вот отчего с такой силой Николай сразу опрокинулся навзничь...

А потом они уже принялись за остальных. И пошла беспорядочная пальба.

Алексей Кабанов: «Я хорошо помню: когда мы все участвующие в казни подошли к раскрытой двери помещения, то получились три ряда стреляющих из револьверов, причем второй и третий ряды стреляли через плечи впереди стоящих. Рук, протянутых с револьверами в сторону казнимых, было так много и они были так близки друг к другу, что впереди стоящий получал ожог тыловой стороны кисти руки от выстрелов позади стоящего соседа».

Все пространство крохотной комнаты казни они отдали одиннадцати несчастным... И те металась в этой клетке, а 12 стрелков, разобравшись свои жертвы, непрерывно палили из горловин двусторчатой двери, обжигая огнем выстрелов стоящих впереди.

И руки с револьверами торчали из двери...

Сын чекиста Медведева: «У отца был ожог шеи, а Юровскому обожгло палец». (Да, они оба были в первом ряду!)

Юровский: «А(лексей) и три из его сестер, фрейлина и Боткин были еще живы. Их пришлось пристреливать. Это удивило Ком(енданта), т.к. целили прямо в сердце. Удивительно было и то, что пули от «наганов» отскакивали от чего-то рикошетом и как град прыгали по комнате...»

Итак, царь лежал, сраженный первыми выстрелами, сраженный - всеми. Лежала и царица, убитая на стуле, и черноватенький слуга Трупп, который рухнул вслед за своим господином. И Боткин, и повар Харитонов. А девушки все еще жили...

Пули странно отскакивали от них. Пули летали по комнате. И Демидова металась с визгом... Она закрывалась подушкой, и пулю за пулей они всаживали в эту подушку.

Почти в безумии, бесконечно палила команда. В пороховом дыму еле видна лампочка... Лежащие фигуры в лужицах крови... с пола протягивал руку, защищаясь от пуль, странно живучий мальчик. И Никулин в ужасе, не понимая, что происходит, палил в него, палил.

Юровский: «Мой помощник израсходовал целую обойму патронов (причину странной живучести наследника нужно, вероятно, отнести к слабому владению оружием или неизбежной нервности, вызванной долгой возней с дочерьми)».

И тогда командант вступил в лютый, едкий дым.

Юровский: «Остальные патроны одной имеющейся заряженной обоймой «кольта», а также заряженного «маузера» ушли на достреливание дочерей Николая и странную живучесть наследника».

Двумя выстрелами он закончил эту «живучесть». Так он считал. И мальчик затих. Бойня заканчивалась.

Кабанов: «Две младшие дочери царя, прижавшись к стенке, сидели на корточках, закрыв головы руками, а в их головы в это время двое стреляли... Алексей лежал на полу, в него также стреляли. Фрельна (т.е. фрейлина - как и Юровский, так он называл служанку Демидову. - Авт.) лежала на полу еще живая. Тогда я вбежал в помещение казни и крикнул - прекратить стрельбу, а живых закончить штыками... Один из товарищей стал вонзать в грудь фрельны штык американской винтовки «винчестер». Штык вроде кинжала, но тупой и грудь не пронзил. Она ухватилась обеими руками за штык и стала кричать... Потом ее добили прикладами ружей».

Теперь все одиннадцать были на полу - еле видимые в этом дыму.

Павел Медведев: «Кровь текла потоками. При моем появлении наследник был еще жив - стонал. К нему подошел Юровский и два или три раза выстрелил в него в упор. Наследник затих. Картина вызвала во мне тошноту».

Сын чекиста Медведева: «Когда Павел Медведев вернулся - подошел уже к лежащему царю. И разрядил револьвер. Многие потом в него револьверы разрядили».

Стрекотин: «Дым заслонял электрический свет. Стрельба была прекращена. Были раскрыты двери комнаты, чтобы дым рассеялся... Начали забирать трупы...»

Надо было побыстрее выносить. Пока над городом висела июльская ночь, должен был тронуться этот грузовик. Быстро, поспешно переворачивали трупы, проверяя пульс. Спешили. Чуть светила лампочка в пороховом дыму.

Юровский: «Вся процедура, считая проверку (щупанье пульса и т.д.) заняла минут двадцать».

Трупы нужно было нести через все комнаты нижнего этажа к парадному подъезду, где стоял грузовик с шофером Люхановым.

Видимо, Павел Медведев придумал выносить их на простынях, чтобы кровью не закапать комнаты. Отправился наверх - в царские комнаты. И когда собирал простыни в спальне княжен, снял чехол с кровати и руки, запачканные царской кровью, обтер. И в угол бросил. И нашли потом чехол - с его, Медведева, кровавыми пальцами.

Павел Медведев: «Трупы вынесли на носилках, сделанных из простынь, натянутых на оглобли, взятых от стоящих во дворе саней».

Стрекотин: «Первый был вынесен труп царя. Трупы выносили на грузовой автомобиль...»

На дне автомобиля постелили брезент, который лежал в кладовой, укрывая их вещи. Теперь он укрывал дно грузовика от царской крови.

В широкой супружеской простыне первым выносили царя. Отца семейства. Потом понесли дочерей.

Стрекотин: «Когда ложили на носилки одну из дочерей, она вскричала и закрыла лицо рукой. Живыми оказались также и другие. Стрелять было уже нельзя, при раскрытых дверях выстрелы могли быть услышаны на улице. По словам товарищей из команды, они были слышны на всех постах».

И когда убитая княжна с криком поднялась в простыне и зашевелились на полу ее сестры - ужас охватил команду.

Они еще не знали тогда «причину странной живучести», как назовет ее Юровский. И им показалось, что само небо против них. И опять не сплосовали чекисты. Ермаков подал пример. Он не боялся неба.

Стрекотин: «Ермаков взял у меня винтовку со штыком и доколот всех, кто оказался живыми»...

Ливадийский дворец, детские балы, роскошь Зимнего, ожидание любви - все заканчивалось на грязном полу, под пыхтением бывшего каторжника. В невозможной боли под тупым штыком.

Юровский: «Когда одну из девиц пытались доколот штыком, то штык не мог пробить корсаж...»

Но мы запомним: когда несли на грузовик - расстрелянная оказалась живой. А ведь «проверяли пульсы».

Впрочем, «проверить» - это только на бумаге легко писать, какая тут была проверка - в этом дыму, в этом ужасе, в этой лихорадке среди «лужиц крови».

И опять в грузовик несли трупы. Перед тем как вынести - обирали: снимали драгоценности и ценные вещи.

Как сказано в показаниях Соколову, Стрекотин сразу начал обыскивать лежавших - снимать драгоценности.

Но про свое усердие Стрекотин не пишет: «При выносе трупов некоторые из наших товарищей стали снимать находящиеся при трупах разные вещи, как-то: часы, кольца, браслеты, портсигары и другие вещи. Об этом сообщили тов.Юровскому, и он поспешил вернуться вниз. В это время уже выносили последний труп. Тов.Юровский остановил нас и предложил добровольно сдать снятые с трупов разные вещи. Кто сдал полностью, а кто и совсем ничего не сдал...»

Юровский: «Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, выстланный сукном (чтоб не протекала кровь). Тут начались кражи: пришлось поставить трех надежных товарищей для охраны трупов, пока продолжалась переноска (трупы выносили по одному). Под угрозой расстрела все похищенное было возвращено (золотые часы, портсигар с бриллиантами и т.д.)».

Сын чекиста Медведева: «Когда в Ипатьевском доме снимали драгоценности с мертвых Романовых, моментально исчезли часы. И с убитого Боткина тоже успели снять часы. Тогда Юровский сказал: «Мы сейчас выйдем, а через 3 минуты вернемся. Чьих часы были». И он вышел из комнаты с моим отцом. И через 3 минуты вернулся. И часы - на месте. Юровский тщательно следил, чтоб ничего не украли. Когда царь упал, его фуражка откатилась в угол. И один из охранников, выносивших трупы, взял фуражку царя... Юровский кивком головы тотчас указал отцу. На следующий день отец пошел за фуражкой. Оказалось - самая обычная, без инициалов... Отец снял с нее кокарду. Кокарда долго была у нас в доме. Я маленький с нею играл... Потом при переезде она куда-то делась».

Теперь Царская Семья лежала на грузовом автомобиле, укрытая брезентом... кто-то нашел крохотную мертвую собачку - ее прижимала к себе одна из великих княжен... она лежала на полу с этой собачкой. Трупик собачки зашвырнули в грузовик - пусть охраняет Царскую Семью...

Юровский: «Ком(енданту) было поручено только привести в исполнение приговор, удаление трупов и перевозка лежала на обязанности тов.Ермакова (рабочий Верхне-Исетского завода, бывший политкаторжанин). Он должен был приехать с автомобилем и был впущен по условному паролю «трубочист». Опоздание автомобиля внушило ком(енданту) сомнения в аккуратности Ермакова и ком(ендант) решил проверить сам всю операцию до конца. Около трех часов выехали на место, которое должен был приготовить Ермаков за Верхне-Исетским заводом. Сначала предполагалось везти на автомобиле, а после известного места на лошадаях (т.к. автомобиль дальше проехать не мог, местом выбранным стала брошенная шахта)».

Двое суток предстоит провести Юровскому и Ермакову вместе с этими трупами. Неразлучно.

Захоронение Царской Семьи описано Юровским очень подробно. И, возможно, скрывает почти фантастическую историю. И вот здесь превремем... Мы еще вернемся к страшному грузовику, который едет сейчас по ночному городу...

Открылись ворота дома - и в наступающем рассвете на Вознесенский проспект выехал грузовик.

Стрекотин: «Когда были вынесены трупы и ушла автомашина, только после этого наша смена была снята с дежурства».

«Господи... спаси и умири Россию». Николай II: жизнь и смерть». Москва, «ВАГРИУС», 1993.